

Петр Сойфер

Похититель света

18+

Петр Сойфер
Похититель света

«Автор»

2026

Сойфер П.

Похититель света / П. Сойфер — «Автор», 2026

Профессор физики Джек Рассел двадцать лет живёт в сером мире — буквально: без цвета, без запахов, без объёма. Единственное что возвращает ему реальность — чужая улыбка. Настоящая. Та которую нельзя купить и нельзя сыграть. Улыбка Дюшена. Он научился её красть. Модифицированная камера Leica захватывает квантовую когерентность лимбической системы в момент подлинной радости — и переносит её в него. На несколько часов мир становится живым. Потом снова серый. И снова нужна охота. Детектив Маркус Вольф расследует странную серию: психически здоровые люди внезапно теряют волю к жизни. Никакого триггера. Никакой логики. Только одно общее — площадь у собора Святого Стефана и человек с плёночной камерой. Венский психологический триллер о зависимости, краже того что не имеет цены, и о единственном вопросе который важен: можно ли получить чужое тепло — или оно существует только когда отдаётся само.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Похититель света

Доктор Пётр Сойфер

ПОХИТИТЕЛЬ СВЕТА

Психологический триллер

АКТ I. ЭКСПОЗИЦИЯ

Глава 1

Вена дышит равномерно.

Это её главное качество — не красота, не история, не музыка которую сюда приезжают слушать со всего мира, а именно равномерность, то умение существовать с достоинством вне зависимости от того что происходит внутри, которое город выработал за столетия: империи рассыпались, границы переписывались, языки менялись — Вена продолжала выставлять в окна цветы в горшках и подавать меланж в фарфоровых чашках, и в этой непрерывности было что-то одновременно успокоительное и немного жуткое, как бывает жутковато от всего что не меняется слишком долго.

Октябрьское утро. Шесть сорок пять.

Туман с Дуная добрался до Внутреннего города и лёг на булыжники Грабена тонким едва различимым слоем — не туман даже, а влажность принявшая форму, намерение тумана без его исполнения. Фонари ещё горели, но уже извиняющимся светом: через двадцать минут они погаснут, уступив серому терпеливому рассвету который не спешил и не опаздывал, просто приходил когда должен был прийти.

Дворник в оранжевом жилете толкал метлу вдоль фасада барочного дома — шарканье щетины по камню, ритмичное и равнодушное, звук который здесь слышали каждое утро последние двести лет и который именно поэтому уже не являлся звуком, а просто частью тишины. Голуби на карнизе Чумной колонны сидели неподвижно — не спали, просто ждали когда мир наберёт достаточно температуры чтобы стать интересным.

Первые люди появлялись как случайные детали пейзажа: женщина с таксой, велосипедист в шлеме, двое рабочих с термосами у фургона. Никто не смотрел друг на друга. Утро — время внутреннего, не внешнего, время когда каждый человек ещё немного принадлежит себе прежде чем день потребует его обратно.

У собора Святого Стефана — Штефансдом, как говорят здесь, без артикля, как имя собственное — открылась боковая дверь. Вышел служка в чёрном, оглянулся на небо с профессиональным равнодушием человека которого погода давно перестала удивлять, и ушёл за угол. Собор остался стоять — как стоял восемьсот лет, поглощая рассветный свет своей пёстрой черепичной крышей без благодарности и без отторжения, с той абсолютной невозмутимостью которая является привилегией очень старых вещей.

Площадь перед собором была почти пуста.

Почти — потому что у северной колонны стоял человек.

Совершенно неподвижно.

В руках — фотоаппарат, опущенный, не поднятый, просто держит, как держат вещь которая является продолжением руки. Пальто тёмно-серое, добротное, не новое. Шарф намотан

аккуратно. Волосы светлые, тронутые сединой у висков, зачёсаны назад с той степенью тщательности которая выйдит естественно только у людей тративших на это годы.

Он смотрел на собор.

Или — нет. Он смотрел сквозь собор, туда где за восемьюстами годами камня и за октябрьским туманом находилось что-то известное только ему, что-то что не имело отношения ни к архитектуре ни к истории ни к красоте этого места, а имело отношение только к тому что происходило внутри него самого — тихо, методично, с той неостановимой точностью с которой работают процессы не зависящие от воли.

Площадь дышала.

Человек — нет.

* * *

Серый.

Всё серого — не в метафорическом смысле и не как настроение, а буквально: собор серый, туман серый, булыжники под ногами серые, женщина которая прошла мимо три минуты назад с таксой на поводке была серой, такса тоже, и оранжевый жилет дворника был серым хотя Джек Рассел знал — знал теоретически, как знают таблицу умножения, правильно и точно и совершенно мертво — что жилет оранжевый, что такса была рыжей, что черепичная крыша Штефансдома выложена в шахматный орнамент из зелёной и золотой плитки.

Он знал всё это.

И не чувствовал ничего из этого.

Мир перестал быть цветным семь дней назад — именно семь, он считал точно, потому что привык считать точно, потому что точность была тем что оставалось когда всё остальное редуцировалось до плоского монохромного существования в котором информация присутствовала но ощущение отсутствовало полностью, как бывает когда читаешь описание вкуса вместо того чтобы есть, — и семь дней было много, семь дней было на два дня больше чем обычно: толерантность росла.

Он написал об этом в рабочем журнале. Субъективное восприятие при нулевом уровне — не депрессия. Депрессия предполагает страдание, страдание предполагает присутствие. Это — редукция. Мир сохраняет все свои параметры но теряет размерность. Из трёхмерного становится двумерным. Из двумерного — плоским.

Он не написал в журнале того о чём думал параллельно: что двадцать лет назад когда он только начинал эту работу он думал что напишет статью которая изменит нейробиологию, что захват квантовой когерентности лимбической системы будет доказан экспериментально и опубликован и что это будет тем открытием которое меняет всё.

Он думал что напишет эту статью.

Вместо этого он сделал первый снимок.

И после первого снимка мир стал цветным — по-настоящему цветным, с той невероятной объёмностью и детальностью которая оказалась настолько оглушительной после привычной серости что статья была забыта, рукопись осталась лежать в папке под лабораторным столом, и прошло двадцать лет и рукопись всё ещё лежала там — пожелтевшая, с карандашными пометками на полях, с той особой печалью незаконченных вещей которые знают что их не закончат.

Площадь начинала наполняться — семь утра, туристов пока нет — и Джек смотрел на лица.

Серые лица. Все серые.

Он подождёт.

Глава 2

Дом на Зайлерштэтте он нашёл восемь лет назад. Официально — складское помещение. Господин Хауэр, домовладелец которого Джек видел трижды за восемь лет, был человеком простым и практичным: арендатор платит вовремя, не шумит, не создаёт проблем — всё остальное не его дело.

Лестница вниз — четырнадцать ступеней, Джек считал их автоматически каждый раз — заканчивалась металлической дверью с двумя замками. Код менялся каждое воскресенье.

Скрипачка спустилась следом, держась за перила, молча — и это молчание было уже другим чем молчание обычного человека в незнакомом месте, в нём не было ни настороженности ни любопытства. Просто шла. Просто держалась за перила. Просто потому что перила были там.

Привязка работала чисто.

Джек открыл дверь.

Автоматический свет залил помещение. Метров сорок под сводчатым потолком из старого кирпича. Слева — длинный лабораторный стол с оборудованием которое он создавал двадцать лет: спектрометр, блоки электроники собственной сборки с той красотой самодельных приборов которая является красотой функции а не формы. Последняя кассета на краю стола — ещё не убранная, пустая, разряженная.

Справа — стеллажи. Пять полок, и на каждой ровными рядами стояли кассеты — каждая подписана мелким аккуратным почерком: дата, порядковый номер. Сорок одна кассета.

На самой нижней полке, отдельно от кассет, лежала папка. Толстая, пожелтевшая по краям. На обложке его же почерком, молодым, более торопливым чем теперь: Биофотонная когерентность лимбической системы: к вопросу об экспериментальном доказательстве. Предварительные результаты.

Предварительные. Двадцать лет она лежала с этим словом на обложке.

В дальнем углу, за перегородкой из гипсокартона, красный свет просачивался снизу под дверью тёмной комнаты — ровный, тихий, постоянный.

И ещё — у дальней стены, на простом деревянном стуле — женщина.

Лет тридцати пяти, в светлой блузке и тёмных брюках — она сидела прямо, руки на коленях, и смотрела перед собой с тем выражением которое Джек видел у всех после снимка: не жестокое и не безразличное, а просто — окончательное. Как закрытая книга.

Скрипачка посмотрела на неё. Без удивления.

Джек повесил пальто, сказал скрипачке сядь тем голосом которым говорят в пустую комнату, и прошёл к ноутбуку.

Статья была в голове — вся, от первой фразы до последней.

Через сорок минут первый раздел был готов. Он откинулся и посмотрел в потолок. Старый кирпич, трещины в побелке которые он видел сейчас отчётливо, каждую. Интересно — просто как красота, просто как то качество мира которое становилось видимым когда мир становился настоящим.

Он думал — не с болью, просто как думают о погоде — что нормальные люди живут в этом разрешении постоянно. Что они не знают об этом потому что это просто их мир, обычный, единственный.

Он встал, взял последнюю кассету и поставил её на место. Потом его взгляд упал на папку.

Он мог опубликовать её в любой момент за эти двадцать лет. Но публикация означала вопросы, означала воспроизведение экспериментов другими, означала что кто-то другой поймёт как это работает, и тогда это перестанет быть только его.

Джек убрал взгляд и вернулся к ноутбуку. Второй раздел ждал.

За его спиной две женщины сидели в тишине которая была просто отсутствием того что делает присутствие живым, и Джек печатал, и мир был настоящим, и он умел ценить это пока оно длилось.

Пока.

Глава 3

Аудитория 14-А вмещала восемьдесят человек, и это число давно перестало иметь практическое значение — на лекциях Рассела сидело девяносто пять.

Он вошёл в аудиторию в одиннадцать ноль две — всегда чуть позже звонка — и зал качнулся навстречу: не аплодисменты, просто тот поворот всех голов в одну сторону который происходит когда входит человек которого ждали.

— Квантовая запутанность. Кто может объяснить мне почему Эйнштейн называл её spooky action at a distance?

Девушка в очках с третьего ряда: — Потому что два запутанных объекта влияют друг на друга мгновенно, независимо от расстояния, что нарушает принцип локальности.

— Нарушает. Хорошее слово. Эйнштейн был человеком для которого физические законы были чем-то вроде конституции. И вот является запутанность и говорит: я нарушаю. Почему это его так раздражало?

Зал думал. Джек ждал — ровно столько сколько нужно.

— Потому что нельзя выбрать какое состояние примет частица при измерении, — сказала девушка в очках медленнее обычного, — нельзя закодировать в этом информацию. Корреляция есть, но управлять ею нельзя.

— Именно.

Одно слово — но с той точной интонацией в которой не было ни снисхождения ни педагогического энтузиазма, только чистое да, правильно, именно так. Люди расцветают от точного попадания в них — не от похвалы, а от момента когда кто-то умный говорит тебе именно и ты понимаешь что он имеет в виду именно то что имеет в виду.

Сорок минут прошли как один непрерывный жест. В какой-то момент Джек поймал себя на том что смотрит на аудиторию с той профессиональной оценкой которая принадлежала лаборатории а не университету. Девяносто три источника. Суррогатное тепло. Он грелся. Осознал это — и убрал мысль привычным движением.

— На следующей неделе — Белл. Неравенства Белла и что они доказывают о природе реальности. Не о природе измерений — о природе реальности. Разница принципиальная. Подумайте об этом до четверга.

Последним подошёл Штайнер.

— Герр профессор, в третьем разделе вашей статьи о биофотонной когерентности вы пишете о направленном захвате когерентного излучения нейронных ансамблей. Это теоретическая модель или у вас есть экспериментальные данные?

Пауза. Короткая — секунда. Джек почувствовал её всю.

— Теоретическая. Пока.

— Потому что если экспериментальная — это меняло бы очень многое. Это был бы совершенно другой разговор о природе эмоции. О том что такое радость физически.

Джек смотрел на него — и думал о папке на нижней полке, о пожелтевших страницах, о том что там были экспериментальные данные, настоящие, и что этот разговор мог состояться двадцать лет назад если бы он выбрал иначе.

— Теоретическая модель. Пока нет оснований говорить об экспериментальном подтверждении.

Штайнер кивнул — с тем видом студента который принял ответ но не совсем поверил ему.

— До четверга.

И вышел. И думал о тысяче маленьких выборов, каждый день, каждую неделю, каждый раз когда папка лежала на нижней полке и он проходил мимо.

Просто иногда — в такие моменты — ждать было чуть тяжелее чем обычно.

Просто чуть.

Глава 4

Факультетский коридор третьего этажа пах так как пахнут все университетские коридоры мира: старой бумагой, мелом, кофе из автомата у лестницы и той особой разновидностью человеческой сосредоточенности которая со временем перестаёт быть свойством людей и становится свойством стен.

Джек шёл не торопясь. Несколько студентов у доски объявлений проводили его тем взглядом который он давно научился читать: узнавание, негромкое удовольствие.

Внутри шёл другой процесс — тихий, фоновый: снимок сделан в семь сорок одну, сейчас почти полдень, четыре часа пятьдесят одна минута, индикатор на семидесяти трёх процентах, всё в норме.

Петер Хаммер выходил из двери кафедры — громкий, распахнутый, искренний именно в своей поверхностности. Добрый человек. Это слово Джек употреблял внутренне без иронии и без тепла, просто как классификационный признак.

Они поговорили об анонсе учебного каталога, о новой статье, и Хаммер хлопнул его по плечу — предсказуемо, в нужный момент — и сказал: ты неисправим, я в твои годы уже думал о мемуарах. Три года разницы — и Хаммер пользовался ими мягко и неосознанно, и Джек наблюдал это с тем ровным профессиональным интересом с каким наблюдают воспроизводимое явление.

У окна в конце коридора стояла Анна Бергер и держала кофе двумя руками — не пила, просто держала, согреваясь скорее о чашку чем о её содержимое.

Джек замедлил шаг — рефлекс, тело реагировало раньше чем голова. Черты чуть мягче обычного, взгляд расфокусирован, уголки губ в том положении которое является предшествованием улыбки.

Orbicularis oculi — мышца была в покое. Просто задумчивость. Не то.

Разговор был коротким. Третья глава не складывается. Третьи главы всегда так думают о себе — это их способ защититься от автора. Она засмеялась — негромко, искренне, но не той искренностью которая была ему нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.